

**Современные проблемы правопонимания:
обсуждение монографии А. В. Полякова «Общая теория права»
(СПб.: Юридический центр Пресс, 2001)**

16 апреля 2002 г. на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета состоялось расширенное заседание кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, посвященное обсуждению монографии доцента кафедры А. В. Полякова «Общая теория права: Курс лекций», выпущенной в свет в 2001 г. петербургским издательством «Юридический центр Пресс». В обсуждении книги приняли участие не только члены кафедры, но и коллеги — представители юридических вузов Санкт-Петербурга и других городов, что свидетельствовало о том несомненном интересе, который вызвала обосновываемая в рамках данного курса авторская концепция права.

Перед началом обсуждения *А. В. Поляков* обратился к присутствующим со вступительным словом, в котором высказал пожелание отдать приоритет в дискуссии научным проблемам, прежде всего, главной из них — каким видится право в постсоветскую эпоху и насколько этим представлениям соответствует выносимая на обсуждение авторская концепция.

А. В. Поляков отметил, что именно проблема обоснования собственного видения права являлась основной при написании «Курса лекций». Поставленная задача, полагает автор, не могла быть решена в рамках «классического» учебника. По мнению А. В. Полякова, подобный учебник по теории права, в котором раскрывались бы однозначные теоретико-правовые истины в последней инстанции, сегодня вообще невозможен по той причине, что в юридической науке как в России, так и за рубежом отсутствует единое теоретико-правовое знание. Однако это отнюдь не исключает стремления научного знания к всеобщности и интеграции, реализуемого через диалог различных концепций, школ и направлений. Именно такую направленность и имеет представленный в «Курсе» коммуникативный вариант правопонимания.

Отметив, что вследствие многолетнего самоограничения теоретических изысканий рамками догматического марксизма отечественное теоретическое правоведение оказалось в трудном положении, А. В. Поляков указал, что видит перспективу выхода из него в использовании современных интеллектуальных технологий, сложившихся в рамках западной правовой мысли, с учетом, однако, традиций отечественной правовой культуры. Для построения отвечающей требованиям эпохи «постмодерна» правовой концепции, полагает автор, необходимо учитывать специфику современного гуманитарного знания, выражающуюся в том, что сегодня оно формируется на стыке многих наук. Современная правовая теория уже не может догматически строиться «из самой себя», как некая априорная конструкция (юснатурализм, нормативизм, социологизм и т. д.). Постижение феномена права требует от исследователя обращения к философии, социологии, психологии, лингвистике, семиотике, антропологии, кибернетике, теории систем, теории коммуникации и целому ряду других комплексных специализированных научных дисциплин, многие из которых возникли лишь в XX в.

Особенностью представленной в «Курсе» коммуникативной концепции права и является то, что она опирается на выводы, уже признанные другими

науками, но распространяет их и на правоведение, представляя собой опыт построения целостного, интегрированного правового знания.

Затем А. В. Поляков остановился на основных положениях предлагаемой им онтологической концепции коммуникативного права, в рамках которой право обосновывается как особая форма коммуникации, имеющая свою специфику по сравнению с другими вариантами коммуникативного действия.

В заключение автор отметил, что обсуждаемый «Курс» лишь набросок возможной концепции права, далекий от совершенства и, по-видимому, не лишенный определенных противоречий, в преодолении которых он и видит возможность дальнейшего развития концепции.

Доктор юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права СПбГУ *Д. И. Луковская* отметила, что монография А. В. Полякова представляет собой современное культурологическое исследование феномена права. В книге на обширнейшем историко-культурном и идейно-теоретическом материале обосновывается авторская концепция коммуникативного права. Бесспорная профессиональная (и не только профессиональная) эрудиция автора не ослабляет впечатления о новизне и оригинальности идей, положенных в основу данного труда.

По мнению проф. *Д. И. Луковской*, методологическим ориентиром предпринятого автором целостного объяснения феномена права послужила идея взаимодействия классического (просвещенческого) и неклассического типов рациональности. Однако, полагает *Д. И. Луковская*, реализуется она далеко не безупречно. В частности, в авторской концепции произошло обеднение образа науки вследствие того, что, во-первых, понимание (а не объяснение) действительности оказывается прерогативой философии. Во-вторых, в отличие от идеологии, наука лишается ценностных предпочтений (характерных для разных цивилизаций). Научное знание, полагает *Д. И. Луковская*, включает в себя как собственно когнитивный, так и ценностно-идеологический аспекты. Представляется также, что научно-теоретическое рассмотрение права охватывает познание не только сущего (права, как оно есть), но и должного (права, каким оно должно быть).

Как считает проф. *Д. И. Луковская*, авторский цивилизационно-культурологический подход воспроизводит укоренившееся в общественном сознании противопоставление Востока и Запада. В данном случае такое историсофское прочтение мира обнаруживает антизападнические тенденции, которые, в частности, нашли свое выражение в критике автором юснатурализма как типа правопонимания, выполняющего идеологическую функцию легитимации западной либеральной демократии.

Не останавливаясь специально на недочетах авторской интерпретации естественного права, *Д. И. Луковская* обратила внимание на стереотипную характеристику теории прав человека как однозначно индивидуалистической, в то время как, данная теория на ее взгляд, всегда предполагала симбиоз личных и общественных интересов. Не представляется *Д. И. Луковской* обоснованным и авторский упрек теоретикам либерализма, которые будто бы противопоставляют гражданское общество государству, а своего главного врага видят в публичной власти собственного государства, располагающего потенциальной возможностью посягать на права и свободы граждан. Современный либерализм отнюдь не противопоставляет гражданское

общество государству, а рассматривает их как относительно независимые сферы частной и публичной общественной жизни. Кроме того, несмотря на заявляемое в работе стремление автора опираться на собственные (российские) философско-правовые традиции, автор, заостряя внимание на западном происхождении либерализма, оставляет в тени солидную традицию русского либерализма.

В заключение Д. И. Луковская отметила, что обоснованный автором новый вариант правопонимания органично вписывается в давние гуманитарные традиции петербургской школы философии права.

Доктор юрид. наук, проф. Ю. И. Гревцов (СПбГУ) подчеркнул, что работа А. В. Полякова, представляющая собой серьезный и оригинальный научный труд, уже замечена научной общественностью, поэтому трудно сомневаться в том, что она займет достойное место в нашей науке и будет востребована.

Однако, как и всякий самостоятельный труд, носящий поисковый характер, «Курс лекций» предоставляет заманчивые возможности для дискуссии. В частности, по мнению проф. Ю. И. Гревцова, нуждается в аргументации рассмотрение автором теории права как части философии права. Кроме того, определение предмета науки как «совокупности знаний об объекте науки, заданных специальным ракурсом его рассмотрения», превращает первый в исключительно субъективный феномен.

По мнению Ю. И. Гревцова, поставленную автором задачу — создать курс общей теории права, который не был бы отягощен отжившими стереотипами и был бы выстроен в духе сегодняшнего времени, можно решать разными способами: путем бережной реконструкции существующего здания общей теории права либо путем его тотального разрушения и возведения нового здания. Автор же, полагает Ю. И. Гревцов, избрал третий путь: метод интенсивного опыления теории права различного рода концептами, категориями и понятиями, которые разработаны за пределами собственно теории права родственными и не очень родственными научными дисциплинами. Недостаток данного метода модернизации теории права состоит, по мнению выступавшего, в том, что привносимые концепты могут не «вжиться» в строй понятий теории права.

Ю. И. Гревцов не согласился также с авторской трактовкой субъективного права как правомочия, реализуемого исключительно в рамках правоотношения. По мнению выступавшего, абсолютное, безусловное значение основных конституционных прав как раз и выражается в том, что их реализация субъектом не зависит от поведения обязанной стороны в правоотношении.

Доктор юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихин (СПбГУ) отметил в своем выступлении, что используемая автором феноменологическая методология исследования не способна обезопасить научную концепцию от субъективизма, так как смысл выявляемого в процессе феноменологической редукции правового эйдоса не столь однозначен, как полагает автор учебника. Кроме того, по мнению И. Ю. Козлихина, не нужно было использовать феноменологическую методологию для того, чтобы увидеть правовой эйдос в очевидном для всех единстве общеобязательных норм и субъективных прав и коррелирующих им обязанностей, в совокупности образующих структуру права. Поэтому в целом авторскую концепцию можно охарактеризовать как социологический позитивизм.

По мнению И. Ю. Козлихина, в рамках коммуникативной теории права, предложенной автором, отсутствуют четкие критерии разграничения правового от неправового. Признание критерием правового наличие или отсутствие социальной легитимации влечет размывание границ, отделяющих право от других социальных норм, что приводит автора к неоправданному выделению различных видов социального права (внутрисемейного, корпоративного, игорного, спортивного).

Доктор юрид. наук, проф., зав. кафедрой конституционного права СПбГУ Л. Б. Ескина отметила в своем выступлении, что материал, содержащийся в первых разделах работы А. В. Полякова, можно воспринимать лишь с использованием целого ряда научных словарей. Неоправданной, по ее мнению, представляется авторская замена категории «сущность права», разрабатывавшейся, в частности, в работах Л. С. Явича, понятием «эйдос» права, поскольку последний термин неоднозначно трактуется в словарях (вид, образ, явление, сущность) и читателям трудно полностью понять смысл, вкладываемый автором в данное понятие. Столь же неясным значением обладает и категория «коммуникативность», которая может обозначать как феномен «связанности», так и феномен «интегрированности».

Вторая часть книги, как полагает проф. Л. Б. Ескина, более проста для восприятия: содержащийся в ней материал изложен «мазками», иногда в стиле примитивизма. В работе дается несколько определений государства, однако остается неясным, какое из них берется за основу, когда далее автор рассматривает признаки, структуру и функции государства. Вызывает также сомнения определение автором структуры государства как совокупности связей, поскольку структура в теории систем традиционно понималась как система связей между элементами, последние же вообще исключены автором из определения. Упрощенно, полагает Л. Б. Ескина, изложен вопрос о функциях государства: едва ли сегодня мы можем удовлетвориться пониманием функций как основных направлений деятельности и таким их набором, как культурно-воспитательные, экономические, идеологические и т. п. Неудачным представляется и определение государственного аппарата как совокупности органов государства, а органов государства как части государственного аппарата.

Л. Б. Ескина отметила также, что при обосновании собственной правовой концепции А. В. Поляков недооценил работы ряда советских правоведов, которые разрабатывали категорию правовой системы и через комплексный структурно-функциональный, системный анализ пришли, по сути, к аналогичным результатам в описании феномена права.

По мнению проф. Л. Б. Ескиной, главное достоинство представленной монографии в том, что она дает наиболее широкий спектр представлений о праве, имеющихся в зарубежной науке, а также своеобразный и глубокий авторский анализ русской правовой мысли.

Доктор юрид. наук, проф., начальник кафедры теории права и государства Санкт-Петербургского университета МВД России Р. А. Ромашов, подчеркнув в своем выступлении несомненную научную значимость обсуждаемой работы, остановился на проблеме удобства ее использования в учебном процессе и отметил, что хотя она заявлена как курс лекций, композиция излагаемого материала полностью исключает его лекционное изложение. Поэтому, по мнению выступавшего, более правильным было бы определить данное издание в качестве научной монографии либо учебного пособия.

Неопределенным представляется Р. А. Ромашову и авторское понимание права как «основанного на социально признанных и общеобязательных нормах коммуникативного порядка отношений, участники которых имеют взаимообусловленные правомочия и обязанности». Под подобное определение может быть подведена любая система социального регулирования, что делает проблематичным различие права и «неправа».

Р. А. Ромашов отметил также, что автор, различая понятия «система права» и «система норм права», не уделяет достаточного внимания их соотношению. Лаконичность, с которой автор рассматривает данные феномены, не позволяет осуществить их анализ в необходимом объеме. Ошибочным представляется выступавшему рассмотрение правоприменительных актов в качестве разновидности нормативно-правовых, так как подобный подход ведет к отождествлению нормативности и казуальности. Неточным является определение юридической фикции как «искусственного юридического факта», в то время как фикция, по мнению Р. А. Ромашова, представляет собой *заведомо ложное утверждение*, которое приобретает юридическую значимость только в установленных законом случаях. В целом ряд важнейших теоретико-правовых вопросов изложен поверхностно: в частности, рассмотрению понятия «механизм правового регулирования» уделяется одна страница, теория государства рассматривается в рамках одного раздела, лишь обозначаются многие вопросы, касающиеся юридической техники.

Кандидат юрид. наук, ст. преподаватель *М. А. Канустина* (СПбГУ) в своем выступлении отметила, что «Общая теория права» А. В. Полякова представляет собой уникальное в своем роде учебное пособие, не похожее на традиционные учебники по данной дисциплине. В его структуре нет привычного деления на две части: теорию государства и теорию права. Не традиционен и стиль изложения материала: основной текст лекций дополнен большим количеством цитат, комментариев и иллюстративного материала к проблемам теории права, набранных петитом или убранных в подстрочник. Такой способ подачи материала, с одной стороны, позволяет студенту первоначально освоить необходимый минимум знаний о праве, а с другой — делает процесс чтения учебника более познавательным, способствует более глубокому изучению общей теории права. Представляется интересной попытка А. В. Полякова обогатить терминологию правовой науки. Однако многие понятия учебника, заимствованные из философии, требуют дополнительных пояснений. Методологически правильным в данной работе является изложение автором основных теоретических подходов к исследуемой теме с указанием на их достоинства и недостатки.

Докторант Санкт-Петербургского университета МВД России *Ю. В. Ячменев* отметил, что «Курс лекций» А. В. Полякова продолжает традиции дореволюционного российского правоведения, для которого всегда было свойственно стремление к многогранному освещению сущности права. Одним из несомненных достоинств работы является разработка категории «правосознание» как совокупности духовно-интеллектуальных, эмоционально-чувственных и волевых его составляющих. Ю. В. Ячменев подчеркнул в заключение, что А. В. Поляков внес существенный вклад в освоение правовой действительности как плюралистического, но единого по своей природе явления.

По мнению канд. юрид. наук, ст. преподавателя *Е. В. Тимошиной* (СПбГУ), одна из главных проблем, нуждающихся в обсуждении, состоит в том,

насколько обосновано авторское обозначение собственной концепции в качестве *интегральной*. Очевидно, едва ли можно было бы назвать целостным знание, механически суммирующее определения права, представленные в «партикулярных» вариантах правопонимания, эклектичный характер которого был бы в таком случае предопределен.

Такое суммарное правовое знание, полагает Е. В. Тимошина, не будет целостным, во-первых, потому, что в нем будет отсутствовать главное — логико-смысловое единство (П. А. Сорокин). Во всех известных типах правопонимания частные проявления права принимались за главный объяснительный принцип права как системы, отчего их и можно в полной мере назвать одномерными или партикулярными. Следовательно, статус интегральной может получить такая правовая концепция, которая для описания изучаемого многообразия проявлений права находит этот главный объяснительный принцип, превращающий видимое социокультурное разнообразие права в умпостигаемое логико-смысловое единство.

Во-вторых, создание обобщающей теории права на пути суммирования частных определений права невозможно и *методологически*. В основе традиционных типов правопонимания лежит классическая рационалистическая методология, один из главных недостатков которой — редукционизм данного метода познания, не способного объяснить исследуемое явление в его «всеединстве», что закономерно обусловило одномерность определений права в традиционных типах правопонимания. Таким образом, интегральной может быть признана та правовая концепция, в рамках которой будет заявлен отказ от классического рационализма и использована методология познания права, включающая все способы освоения реальности права (рациональные, интуитивные, созерцательные, опытные и т. д.), единство которых было бы адекватно искомого единству права.

В связи с этим избранная автором феноменологическая методология, заключающаяся, в частности, в отвлечении от эмпирического разнообразия явлений права, представляется адекватным заявленной цели способом «схватывания» неизменной сущности права, отличающей его от других явлений, и позволяет отказаться от одномерных определений права и обратиться «не к понятиям о праве, а к самому праву». Данный метод позволяет «уразуметь» право как «интегральное (целостное) единство», обладающее собственной структурой, в которой выражается его эйдетический смысл.

Е. В. Тимошина отметила, что разработанную автором правовую концепцию можно было бы также охарактеризовать как *персоналистическую*, так как единство элементам правовой структуры (общезначимым нормам и межсубъектным отношениям) сообщает именно *субъект*, интерпретирующий смысл обращенной к нему правовой нормы, совершающий акт признания заключенного в ней ценностного содержания и делающий ее правилом своего поведения в правовом взаимодействии с другим субъектом. Таким образом, можно сделать вывод о том, что главным объяснительным принципом разработанной автором концепции права является субъект, рассматриваемый не как существо исключительно рациональное, утилитарно подсчитывающее выгоды правового общения, но понятый в единстве своих рациональных, эмоциональных и волевых качеств.

Кандидат юрид. наук, ст. преподаватель Л. А. Харитонов (Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ) отметил

своевременность появления концепции А. В. Полякова, предлагающей интегральное видение права, поскольку традиционные концепции правопонимания уже не в состоянии дать адекватную оценку правовой реальности эпохи постмодерна. Хотя идея разработки интегрального объяснения права не является оригинальной, однако, в отличие от своих предшественников, А. В. Поляков не просто «механически» связал норму права с правоотношением, но и предложил объяснения тому, почему нет правовой нормы вне правовых отношений и нет правовых отношений без определяющей их в качестве таковых правовой нормы.

По мнению Л. А. Харитонова, особую эвристическую ценность представляет использование А. В. Поляковым достижений как философской, так и социологической феноменологии, которые способствовали созданию на их основе новой онтологии права. Однако докладчик полагает, что философская и социологическая феноменология представляют два существенно различных варианта методологии, а потому переход от одной теории к другой только на основании феноменологической терминологии не всегда оправдан. А. В. Поляков же рассматривает их как идентичные, что приводит к некоторым натяжкам при переходе от правогенеза (описанного с позиций феноменологической социологии) к эйдосу права (понятию, характерному для последователей философского направления в феноменологии права).

Л. А. Харитонов отметил также, что в предложенной А. В. Поляковым коммуникативной теории права неясным представляется механизм социальной легитимации, в особенности принципиальные возможности ее осуществления в мультикультурных обществах.

Кандидат юрид. наук, доц. *И. Л. Честнов* (Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ) отметил в своем выступлении, что наиболее важным моментом в работе А. В. Полякова является излагаемый подход к правопониманию, поскольку в условиях изменяющегося социума проблема правопонимания — самая актуальная как для теории права, так и для «политики права». И. Л. Честнов отметил, что подход автора принципиально отличается от традиционных тем, что основывается на новом фундаменте — феноменолого-коммуникативной философии. По сравнению с монологичной социальной философией Нового времени, основанной на естественнонаучном противопоставлении субъекта объекту, такое основание правопонимания гораздо более эвристично, демонстрируя, в частности, многогранность права и взаимообусловленность его противоположных моментов. Природа права при таком подходе предстает в единстве идеального (правосознание) и материального (объективированные нормы и правоотношения), объективного и субъективного, должного и сущего, общего и особенного.

В работе постулируется социокультурная и историческая обусловленность права, которая лежит в основе признаваемого сегодня многими теоретико-правового плюрализма и плюрализма правовых систем. При этом плюрализм не перерастает в радикальный релятивизм, так как автор доискивается до нерасчленимого самоочевидного эйдоса права, проводя редукцию всех его внешних (относительно этой сущности) элементов. Но реальное бытие так понимаемый эйдос (отождествляемый с правомочием) приобретает в конкретных социокультурных и исторических условиях определенного социума, что является примером диалектики универсального и особенного.

Другое важное положение работы А. В. Полякова — единство объективного и субъективного моментов в генезисе и функционировании права. Право формируется отдельными индивидами из типизации фактических взаимодействий; затем оно объективируется (реифицируется) в соответствующие формы; далее оно воспроизводится в последующих взаимодействиях. При этом реальность права проявляется прежде всего в его признании и реализации широкими слоями населения.

Методологической основой правовой концепции А. В. Полякова является, по мнению И. Л. Честнова, эйдетико-коммуникативная философия, в которой соединяются феноменология как философия и феноменологическая социология. Первая ориентирована на трансцендентальное «Я» (в данном случае — эйдос права, характеризуемый как субъективное правомочие). В то же время мировоззренческая установка А. В. Полякова «призывает» его к выявлению социокультурной обусловленности права, свойственной социолого-феноменологической традиции, в рамках которой первичным выступает не субъект, а процесс коммуникации. И. Л. Честнов отметил, что трансцендентальное и коммуникативное — два принципиально отличающихся направления в философии XX в., которые вряд ли могут быть соединены в одно цельное учение, так как у них различны исходные посылки — чистое сознание и взаимодействие.

По мнению И. Л. Честнова, вопросы формирования нормы права и ее легитимации остались в работе на уровне констатации факта. Между тем критерии легитимности, особенно в современном мультикультурном обществе, представляют серьезную проблему.

В заключение И. Л. Честнов отметил, что автор предложил оригинальную версию онтологии права, продолжая (а не комментируя!) лучшие традиции петербургской школы, и прежде всего своих духовных учителей Л. И. Петражицкого и Н. Н. Алексеева.

Адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России Ю. А. Кудрявцев в своем выступлении отдал предпочтение обсуждению вопроса об удобстве использования «Курса лекций» в учебном процессе. По его мнению, изучать теорию права, взяв за основу коммуникативный подход как вариант интегрального правопонимания, нецелесообразно, поскольку данный «Курс» не адаптирован для его восприятия студенческой аудитории.

Кроме того, Ю. А. Кудрявцев отметил, что логическое развитие утверждения автора о том, что «воля законодателя, если она не “вписывается” в существующую систему ценностей, не может породить право», закономерно приводит к выводу о том, что воля законодателя никогда не породит право, поскольку в современном обществе существуют различные, зачастую противоположные, системы ценностей.

Кандидат юрид. наук, доц. В. А. Козлов (СПбГУ) подчеркнул, что главное в настоящем обсуждении — авторская концепция коммуникативного права, когнитивные возможности которой весьма оптимистичны и связаны прежде всего с тем, что на основе феноменологического подхода автор предпринял интересную попытку поставить в центр внимания правовой теории не систему правовых норм, а человека как активного правового деятеля.

В. А. Козлов уделил основное внимание критике авторской трактовки ценностей, понимаемых как все то, что имеет значение для человека, которая приводит к чрезмерному расширению понятия «ценность» и выделению

отрицательных ценностей. При таком понимании всему наличному бытию дается новое наименование положительных либо отрицательных ценностей, производится ценностная «перерегистрация» всех явлений окружающего мира. Ценность же, полагает В. А. Козлов, — это то, что помогает людям ощущать себя людьми, то, что является, по их собственному ощущению, мерилom человеческого в человеке, то, что относится к определяющим основаниям жизни.

Отнюдь не очевидной представляется В. А. Козлову феноменологическая редукция права к правомочию, поскольку коммуникация предполагает согласование, в юридической терминологии — взаимосвязь правомочия и обязанности.

Кандидат юрид. наук, доц. *П. А. Оль* (Санкт-Петербургский университет МВД России), отметив дискуссионность обсуждаемой работы как ее положительную сторону, главное внимание в своем выступлении сосредоточил на предлагаемом А. В. Поляковым понятии права как «основанного на социально признанных и общеобязательных нормах коммуникативного порядка отношений, участники которого имеют взаимообусловленные правомочия и обязанности». Предложенное определение понятия права закономерно порождает, по крайней мере, два вопроса, на которые, как полагает П. А. Оль, у автора нет удовлетворительных ответов: 1) что такое «социальное признание»; 2) чем феномен права, определенный таким образом, отличается от других социальных регуляторов, например, от нравственности? В частности, автор видит различия между правом и нравственностью в том, что «соблюдение норм нравственности предполагает самообязывание субъекта», а «соблюдение норм права связано с требованием исполненного субъекта исполнить правовую обязанность». Данное утверждение порождает новый вопрос: как будет реализовано последнее требование, если, по мнению автора, «говорить о государственном физическом принуждении как о специфическом признаке права нельзя»? В связи с этим, полагает П. А. Оль, автору следовало бы четче определить рамки феномена правового.

Преподаватель *В. В. Денисенко* (Воронежский государственный университет) подчеркнул в своем выступлении, что главным достоинством работы является обосновываемый автором интегральный подход к объяснению права, который может послужить основой для дальнейшего развития теории права.

Вместе с тем, как и во всякой работе, не излагающей лишь общепринятые суждения, в «Курсе» присутствуют спорные положения. Так, в частности, В. В. Денисенко представляется необоснованным сводить противоречия в праве исключительно к конфликту; не менее спорно использование категории «правовая коллизия» применительно к препятствиям, возникающим в процессе реализации права, так как препятствия далеко не всегда выступают в форме противоречия. Наконец, при освещении некоторых тем зачастую не рассматриваются противоположные авторскому подходу к объяснению того или иного явления. Вместе с тем В. В. Денисенко отметил, что работа А. В. Полякова представляет собой труд, сочетающий качества учебного пособия и научной монографии, и вносит серьезный вклад в развитие теории права.

В выступлении канд. юрид. наук, доц. *Н. А. Гущиной* (Калининградский государственный университет) было подчеркнуто, что избранное А. В. Поляковым направление исследования является одним из вариантов складывающегося в российском правоведении интегрального правопонимания, истоки которого, как справедливо отмечает автор, находятся в том числе и в русской правовой мысли.

С позиций онтологической теории коммуникативный аспект понимания права сводится к рассмотрению права как системы отношений, субъекты которых получают правовую информацию путем интерпретации первичных правовых текстов и передают правовую информацию через вторичные правовые тексты, создаваемые путем взаимодействия, осуществляемого в форме реализации своих прав и обязанностей. Такая трактовка права является совершенно новой для отечественной правовой науки и заслуживает самого пристального внимания.

Подход автора к осмыслению феномена права позволяет трактовать последний как интегральное явление. Право здесь предстает как система нормативно-правовых отношений, которые, выражаясь в форме взаимных прав и обязанностей, связывают людей в социальное образование, определяя их соотношенное друг с другом поведение, направленное на удовлетворение потребностей в разнообразных социокультурных ценностях. В этом состоит одно из главных достоинств как метода познания исследуемого объекта, избранного автором, так и выстраиваемой им правовой онтологии. Право здесь предстает не чем-то аморфным, неопределенным, что отличает естественно-правовую трактовку, а текстуально-организованным началом, существующим и в рамках государства, более того, лишь в государстве получающим свою наиболее развитую текстуально-правовую форму. С другой стороны, в отличие от концепций позитивистской ориентации, право признается началом ценностным, причем ценность права выступает одним из критериев «правового». Однако ценности, по замыслу автора, не даются «априорно», а формируются самим обществом как результат intersubъективного взаимодействия. В этом смысле правовой субъект — сам «кузнец своего счастья»: правовая действительность «конструируется» как результат социального взаимодействия. Интегральный характер предлагаемой автором концепции выражается и в ее направленности на субъекта — правового деятеля. Право предстает как порядок отношений, что характерно для социологических интерпретаций, и в то же время как личностное психосоциокультурное осмысление правовых текстов, что составляет аспект психологической теории права.

К. И. Лукьянов, аспирант СПбГУ, в своем выступлении остановился на методологических основаниях авторской концепции. По мнению К. И. Лукьянова, методологический подход, используемый в монографии, есть не что иное, как метод системного анализа. Затем выступавший отметил спорность понятия юридической ответственности, предлагаемого автором. А. В. Поляков под юридической ответственностью понимает «принудительно исполняемую обязанность, возникшую в связи с правонарушением, реализуемую в конкретном охранительном правоотношении и представляющую собой претерпевание предусмотренных санкцией правовой нормы лишений личного или имущественного характера». Представляется, что непосредственное претерпевание мер ответственности есть один из этапов существования

юридической ответственности, а следовательно, — только часть этого сложного явления.

После обсуждения доцент А. В. Поляков, поблагодарив коллег за интересную дискуссию, ответил на прозвучавшие в ходе полемики замечания.

Е. В. Тимошина,
кандидат юрид. наук, стар-
ший преподаватель СПбГУ.
© Е. В. Тимошина, 2002

Пять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги и перспективы

30–31 мая 2002 г. на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова состоялась вторая международная научно-практическая конференция по уголовному праву, посвященная пятилетию вступления в действие Уголовного кодекса Российской Федерации. В ней приняли участие видные ученые и практические работники Беларуси, Грузии, Кыргызстана, Латвии, России, Таджикистана, Украины: Ю. В. Баулин, Г. Н. Борзенков, Б. В. Волженкин, Ю. В. Голик, А. С. Горелик, И. Э. Звечаровский, А. И. Зубков, Л. В. Иногамова-Хегай, Т. В. Кленова, И. Я. Козаченко, В. С. Комиссаров, У. Я. Крастиньш, Л. Л. Кругликов, Н. Ф. Кузнецова, М. Ш. Леквейшвили, В. Лихолая, Н. А. Лопашенко, В. П. Малков, С. Ф. Милюков, А. А. Музыка, Э. Ф. Побегайло, А. И. Рарог, Л. Ч. Садыкова, Ф. Р. Сундуков, Ю. М. Ткачевский, В. Д. Филимонов, П. С. Яни и др.

Открывая конференцию, доктор юрид. наук, проф., декан юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова *Е. А. Суханов* отметил, что принятый в сложных и нестабильных социально-экономических и политических условиях УК РФ 1996 г. в целом адекватно отражает потребности уголовно-правового регулирования качественно новых общественных отношений в России и соответствует мировым стандартам. Коренные изменения и преобразования во всех сферах жизни общества и государства требовали принятия уголовного закона, основанного на важных исходных принципах, и в первую очередь на конституционном принципе признания приоритета общечеловеческих ценностей. Охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя, равная охрана всех форм собственности, общественного строя и общественной безопасности, борьба с преступностью во всех ее проявлениях, и прежде всего с насильственной организованной и коррупционной преступностью, составили концепцию реформирования российского уголовного законодательства. В УК РФ 1996 г. нашли отражение особенности новых экономических отношений, появились новые составы преступлений, возникла необходимость осмысления судебной практики, а это дает импульс развитию научных исследований.

Доктор юрид. наук, проф. кафедры уголовного права СПбГУ *Б. В. Волженкин* посвятил свое выступление проблемам соотношения Уголовного кодекса РФ 1996 г. и Кодекса РФ об административных правонарушениях